

Температура тела Лин была обжигающей, как печь. Только Линь Синь успела приложить к ее лбу охлаждающий пластырь, как ее тут же резко дернули в объятия.

— Сестренка... холодно... — Голос Лин, дрожащий от мучительной боли, вызванной сбоем нанозоров, звучал жалобно, а руки, словно гибкие лианы, мгновенно стиснули талию Линь Синь. Горячая щека глубоко зарылась в изгиб ее шеи, влажное жгучее дыхание просочилось сквозь приоткрытый воротник, и Линь Синь от этого жара застыла, а по позвоночнику пробежала волна мурашек.

— Не двигайся, лекарство еще не введено... — Линь Синь попыталась отстраниться, но ее ладонь внезапно замерла, коснувшись вспотевшей спины Лин. Тонкая ткань одежды плотно облепила кожу, четко очерчивая изгиб позвоночника. Температура под кончиками пальцев была пугающе высокой, но само ощущение обладало странной притягательной силой, словно магнит, удерживающий ее руку. Незнакомый жар внезапно хлынул из глубины сердца, мгновенно разжигая огонь во всем теле, отчего в горле пересохло и стало тесно.

Лин внезапно подняла голову. Ее обычно ясные и яркие глаза сейчас были подернуты влажной дымкой, затуманенные и расфокусированные, но они удивительно точно поймали взгляд Линь Синь.

— Сестренка, — голос ее был очень тихим, с невинностью ребенка, но в окончании проскользнули нотки, словно маленькие крючки, слегка задевающие чувства, — почему ты... всегда избегаешь меня?

Сердце Линь Синь сбилось с ритма, слова оправданий застряли в горле.

В следующую секунду губы, обладающие обжигающим жаром, накрыли ее губы!

Поцелуй поначалу был легким, осторожным, исследующим, но он подействовал подобно мощнейшему электрическому разряду, мгновенно разрушив все шаткие дамбы разума Линь Синь. В голове наступила пустота, мир сузился до мягкого, горячего прикосновения губ и непрекращающегося, сводящего с ума, жгучего дыхания Лин. Ее тело предало волю, руки бесконтрольно потянулись к затылку Лин, углубляя этот робкий поцелуй. Разум истошно кричал: остановись! Это неправильно! Но тело тонуло окончательно, и даже каждое дрожащее дыхание было пропитано головокружительным, греховным сладким ароматом.

— М-м... — Лин в ее руках издала тихий стон, ее тело мелко дрожало, но пальцы стали еще сильнее сжимать одежду на груди Линь Синь, так крепко, что ткань грозила разорваться. Линь Синь отчетливо ощущала эту всепоглощающую зависимость, тревогу и странное, неосознанное, удушающее притяжение, обвивающее ее, словно лианы.

И в тот самый момент, когда Линь Синь была готова окончательно утонуть в этой бурной сладости и чувстве вины —

— А-а! — Тело Лин резко и яростно содрогнулось в конвульсиях! Нано-узоры на ее запястьях, до этого тусклые, вдруг вспыхнули ослепительным, зловещим кроваво-красным светом!

— Больно... как же больно... — Она оттолкнула Линь Синь и, словно раненый зверек, свернулась в комок. Охлаждающий пластырь, который только что наложили на лоб, мгновенно пропитался холодным потом.

Холодная реальность, словно вылитая на голову ледяная вода, заставила Линь Синь мгновенно протрезветь! Она посмотрела на свои слегка покрасневшие кончики пальцев, в которых, казалось, еще сохранилось тепло тела девушки, а затем на искаженное болью личико Лин. Сильнейшее чувство стыда и огромный ужас нахлынули на нее, подобно цунами. Что она творит?! Это же Лин! Та самая девочка, которая так мило называла ее сестренкой и доверяла ей всей душой! Та, которую капитан лично доверила ей под опеку! Как она могла... как она могла воспользоваться моментом слабости, ослепленная минутным помутнением рассудка?

— Прости... прости меня... — Голос Линь Синь дрожал, срываясь на рыдания, она в панике пыталась схватить шприц с нано-энергетическим успокоителем. Пальцы так сильно тряслись, что она чуть не воткнула иглу себе в руку. Как неистово билось ее сердце секунду назад, так остро теперь было жало самобичевания, вонзающееся в душу.

Лин в промежутке между приступами боли с трудом открыла глаза, ее затуманенный взгляд встретился с покрасневшими глазами Линь Синь, голос был слабым и озадаченным:

— Сестренка... ты... плачешь?

Линь Синь резко отвернулась, яростно вытирая набежавшие слезы, не смея больше взглянуть на нее. Так она просидела до тех пор, пока под действием лекарства Лин снова не провалилась в беспокойный сон.

Когда дверь медицинского отсека бесшумно отворилась, Линь Синь стояла к ней спиной, ее плечи неконтролируемо подрагивали, словно она все еще была погружена в тот пережитый хаос и самосуд.

В дверях появилась Фу Хуа, сжимая в руке специальный шприц. Серебристо-голубая жидкость медленно переливалась внутри прозрачной трубки, вспыхивая глубоким холодным блеском, подобным сиянию далеких звезд, что создавало резкий контраст с оставшимся в отсеке душным жаром.

— Айли только что настроила состав, — ее голос оставался все таким же спокойным и ровным, без единой нотки эмоций, но взгляд, подобный самому точному сканеру, предельно точно упал на манжеты одежды Линь Синь. Там, где Лин в отчаянии хваталась за ткань, остались глубокие, небрежные складки, безмолвно свидетельствующие о недавнем накале страстей.

Фу Хуа задержала взгляд на этих складках на короткое, но очень заметное мгновение, прежде

чем протянуть шприц:

— Нано-энергетический успокоитель. Он сможет напрямую нейтрализовать ядро сбоя.

Линь Синь в панике потянулась за ним, и кончики ее пальцев случайно коснулись прохладной тыльной стороны ладони Фу Хуа. Это прикосновение холода, словно электрический разряд, пронзило запутанные мысли Линь Синь, заставив ее вздрогнуть и прийти в себя.

— ...С-спасибо, капитан! — Ее голос все еще подрагивал от неутихшего волнения, она буквально выхватила шприц и быстро опустила голову, не смея больше смотреть в глаза Фу Хуа.

Этот взгляд, пускай и спокойный, обладал такой пронизательностью, словно она была полностью лишена всех своих масок, и осталось лишь ее сердце, бешено стучащее на грани сладости и греха, которому негде было спрятаться.

Фу Хуа больше ничего не сказала и развернулась, направляясь к выходу. Звук шагов ее военных ботинок по полу был отчетливо слышен в тишине медицинского отсека, сохраняя ее обычный размеренный ритм.

Уже у двери она едва заметно помедлила. Это не было приказом или проверкой, просто, совершенно естественно, она обернулась и посмотрела назад.

Солнечный свет щедро заливал угол больничной койки. Линь Синь, слегка наклонившись, сидела у кровати Лин, сосредоточенно глядя на спящее лицо девушки. В уголках ее губ застыла едва уловимая, но совершенно искренняя улыбка, мягкая настолько, что, казалось, могла растопить лед, и даже ее ресницы были окрашены теплом. Золотистые блики света прыгали на ее опущенных прядях волос, окаймляя ее силуэт пушистым теплым ореолом. Одна ее рука все еще лежала на тыльной стороне ладони Лин, кончики пальцев бессознательно поглаживали гладкую кожу, движения были настолько нежными, словно она касалась хрупкой драгоценности.

Эта картина была такой тихой, теплой и наполненной каким-то безмолвным, почти осязаемым чувством счастья. Она настолько не вязалась с холодными металлическими переборками Гипериона и царящим на корабле напряжением, что это было поразительно.

— Позови меня, когда она проснется, — произнесла Фу Хуа. Ее голос звучал гораздо тише, чем тогда, когда она отдавала распоряжения, и последние слова, казалось, растворились в солнечном свете, неся в себе оттенок... мягкости, которую она сама в себе не замечала? Или это была некая оттепель после того, как ее затронуло увиденное тепло?

— Хорошо, — отозвалась Линь Синь, поднимая голову. Улыбка на ее губах еще не успела полностью исчезнуть, а в глазах все еще оставалась та нежная влага, которая была при взгляде на Лин.

И в это мгновение ее взгляд столкнулся с уходящей фигурой Фу Хуа.

Та спина по-прежнему была прямой, как сосна, а походка оставалась твердой. Стук военных ботинок по металлическому полу — топ, топ, топ — был правильным и сильным, как вечно бьющееся сердце Гипериона. Однако этот размеренный ритм сейчас обладал какой-то странной магией: раз за разом, отчетливо, не слишком громко и не слишком тихо, он отдавался в самой глубине сердца Линь Синь.

Это не была боль и не паника, а некое тонкое, вибрирующее чувство.

Капитан всё видела. Сердце Линь Синь пропустило удар, пальцы бессознательно сжались, сильнее прижимаясь к теплой коже руки Лин. Тот тайный сладкий момент, когда она безраздельно владела вниманием Лин, теперь смешался со странным чувством того, что за ней наблюдали — капитан видела, как она была погружена в мир Лин, видела ее нежность, но не упрекнула, не отдалилась, а лишь оставила эту мягкую просьбу.

Что это значит? Молчаливое разрешение? Или некое более глубокое видение ситуации, в которое она не решалась углубляться?

Линь Синь провожала взглядом удаляющуюся статную фигуру, пока та не скрылась за дверью, а звук ботинок окончательно не затих. Она медленно опустила голову и снова посмотрела на спящую Лин. Солнечный свет падал на ее длинные ресницы, отбрасывая короткие тени, дыхание девушки было ровным и глубоким.

Пальцы Линь Синь снова, с еще большей привязанностью и крупницей мужества, только что разбуженного этим легким стуком сердца, погладили внутреннюю сторону запястья Лин, ощущая под спокойным пульсом бурлящую жизненную силу. Впечатление от отношения Фу Хуа в конечном счете растворилось у нее в душе, превратившись в густой поток тепла, наполненный волнением и еще большей сладостью. Солнце, казалось, стало еще теплее, и даже в самом воздухе чувствовался медовый привкус. Она не удержалась и прислонилась щекой к руке Лин, ощущая это настоящее тепло, безмолвно впитывая свое личное счастье, в котором теперь навсегда останется крошечный отголосок капитанского присутствия.

<http://bllate.org/book/18960/1859530>